

ТЕЛЕКАНАЛ «СЕСТРОРЕЦК ТВ»
ПРОГРАММА «НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ»

ВЕДУЩАЯ - АЛЛА ДРУЖИНИНА

АЛЕКСЕЙ ГОРИБОЛЬ

Алексей Гориболь: Я был ее фанатом, с 13-14 лет покупал все ее пластинки, «балдел» совершенно от ее голоса, от ее манеры, от ее смысла... Вообще – от послания. Здесь, на заливе, мы видим гряду камней, которая воспета Беллой Ахмадулиной в одном из стихотворений, которые впоследствии составили так называемую «Репинскую тетрадь».

Мое первое соприкосновение с Беллой Ахатовной, которое началось гораздо раньше, чем я приехал сюда с композитором Леонидом Десятниковым в Дом Творчества, и он меня Белле представил. В тот год, когда мы с ней познакомились лично, Белле Ахатовне было лет меньше, чем мне сейчас, ей было всего 50 лет. У нее был день рождения, который здесь, в Репино отмечали близким кругом. Она была тогда совсем молодой, а я – совсем юным. Она была невероятно, сногшибательно красива, очаровательна. Ее обожали здесь все.

Как я люблю гряду моих камней
Моих, моих – и камни это знают.
И череду пустых и светлых дней,
Из коих каждый лишь заливом занят.
Дарован день, и сразу же прощен,
Его изгиб – к заливу прикинь.
Привадились – прыжок, прыжок, прыжок...

На крайнем останавливаться камне.
Мой этот путь проторен столько крат,
Так пристально - то медлил, то парил он,
Что в опыт камня свой принес карат
Моих стояний и прыжков период.
Как я люблю гряду моих камней,
Простертую вдаль моего залива.
Прочь от строки, влачащейся за ней.
Как быть?... Строка гряды не разлюбила.
Целую воду. Можно ли воды
Чуть-чуть испить? Пей вдоволь! Смех залив

Пью и целую, я люблю гряды
Все камни. Безутешно, но взаимно.
Я слышу ласку дерзанных камней
Ладонью сторбя, их умов читая,
И различаю ощутую мою
Облиний и осанок очертанья.
Как я люблю гряду или строку
Камней или слов – не разберу спросонок
Свет ночи, подступающий к окну,
Пустой страницей на столе срисован.
Прощай, гряда, прощай строка о ней,
Залив... Зачем все больно, что родимо?
Как далеко ведет гряда камней
Не знала я, когда по ней бродила.

Почему Белла Ахмадулина появилась здесь? Скорее всего, это была идея Бориса Мессерера, ее мужа. Он почувствовал, что Переделкино как место вдохновения и место работы - исчерпано. И нужно какое-то новое место, новое ощущение жизни, для того, чтобы куда-то пойти дальше. И, конечно - в Репино, Комарово, где ощущение творческой энергии закодировано в самом пространстве. Решение приехать сюда было очень правильным, поскольку здесь произошел невероятный творческий взлет...

Алексей Гориболь: Белла Ахатовна с середины восьмидесятых до начала девяностых приезжала сюда на большие периоды. От-

Белла Ахмадулина... Бард и поэт Вероника Долина сказала о ней очень точно: «Ее стихи – автопортрет». Уникальность поэзии почти всегда – в музыкальности. У Ахмадулиной абсолютно своя музыка. Стихи Ахмадулиной в ее исполнении – это высочайший пример вслушивания в свой собственный звук. Не случайно о Белле Ахмадулиной мы говорим здесь, на берегу Финского залива. Здесь она провела много времени, здесь она отдыхала и работала, здесь родилось множество ее стихов. О встречах с Ахмадулиной рассказывает заслуженный артист России пианист Алексей Гориболь.

КОМАРОВО. БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

...суда она уезжала на гастроли в Америку, где проехала по всем университетам. Так или иначе, она возвращалась сюда и по несколько месяцев жила здесь, сначала в 5-м, а потом в 15-м коттедже. И очень часто, когда я гулял, (Белла могла день-два вообще не появляться на людях), я видел, что все время горела лампа. Это означало, что Белла за столом, она работает.

Что сделалось, зачем я не могу,
Уж целый год не знаю, не умею
Слагать стихи. И только немоту
Тяжелую в моих губах имею.
Вы скажете - ну, вот уже строфа,
Четыре строчки в ней, она готова.
Я не о том. Во мне уже стара
Привычка ставить слово после слова.
Порядок этот ведает рука.
Я не о том. Как это прежде было?
Когда происходила не строка,
Другое что-то, только что? Забыла.
О, то, другое... Разве знала страх
Когда шалила голосом так смело.
Само, как смех, смеялось на устах
И плакало, как плач, если хотелось.

Алексей Гориболь: Как-то раз мы с Беллой Ахатовной пошли кормить чаек, гуляли по берегу.... А потом возникла «Гряда камней». И еще вот эта зеленая дача с башней, современная, которая известна в народе как дача Вырубовой, так ли это – пусть историки проверяют, а тогда это была одна из дач, принадлежащих Дому Творчества. И она тоже воспета Беллой Ахатовной в гениальном стихотворении, которое называется «Дом с башней».

Дом высрпанный на берегу залива,
В саду гамак, все упустила сеть.
Но не пуста. Игриво и лениво
В ней дней былых полеживает смерть.
Бывало, в ней покачивалась дрема
И упал том Стринберга из рук...

Но я о доме: описание дома
Нельзя построить наобум и вдруг.
Проект, осанку вычурного замка,
Венчают башня, шпиль и витражи.
Красавица была его хозяйка...
Мой ангел, пожелай и прикажи.
Поверх кустов сирени и малины
Балкон с пространством видом на залив,
Все гости, фейерверки, именины
В тот майский день молился ль кто за них?

Хоть не темнеет, а светает рано.
Лет дому сколько? Менее, чем сто?
Какая жизнь в нем сильная играла,
Где это все? Да было ль это все?
Я полюбила дом, и водостока
Резной узор. И более всего
Со шпилем башню и цветные стекла.
Каков мой цвет сквозь каждое стекло?
Мне кажется, и дом меня приметил.
Войду в залив, на камне постою.
Дом снова жив, одушевлен и светел,
Я вижу дом, гостей, детей, семью...
Так я играю с домом и заливом,
И занята лишь этим пустяком.
Над их ко мне пристрастием взаимным
Смеется кто-то за цветным стеклом.

Алексей Гориболь: Рабочие моменты я не видел, но видел черновики. Она показывала, и я видел, что очень много вычеркивается, подписывается по готовой строфе. Потом что-то еще добавляется. Она приходила в столовую и говорила: «Мальчики, можно ли так сказать – «каркают бекары»?», а мы отвечали: «Белла Ахатовна, гениально!» Из воздуха, из каких-то вибраций природы! Из шелеста листьев, из шума волны – она вычленила слова. Она – гений! Ее невозможно

ни с кем сравнить.
По улице моей который год
Звучат шаги: мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
Той темноте за окнами угоден.
Запущены моих друзей дела,
Нет в их домах ни музыки, ни пеня
И лишь, как прежде, девочки Дега
Голубенькие опраляют перья.
Ну, что ж, ну, что ж, да не разбудит страх
Нас, беззащитных среди этой ночи
Страдания таинственная страсть,
Друзья мои, туманит ваши очи.
О, одиночество, как твой характер крут!
Посверкивая циркулем железным,
Как холодно ты замыкаешь круг,
Не внемля уверениям бесполезным.
Так призови меня и награди,
Твой баловень, обласканный тобою,
Утешусь, припаду к твоей груди,
Умоюсь твоей стужей голубою.
Даруй мне тишь твоих библиотек,
Твоих концертов строгие мотивы.
И, мудрая, я позабуду тех,
Кто умерли или доселе живы.
Дай встать на цыпочки в твоем лесу
На том конце замедленного жеста,
Найти листву и поднести к лицу,
И ощутить сиротство как блаженство.
И я познаю мудрость и печаль,
Свой тайный смысл откроют мне пред-

меты,
Природа, прислонясь к моим плечам,
Объявит свои детские секреты.
И вот тогда, из слез, из темноты,
Из бедного невежества былого,
Друзей моих прекрасные черты
Появятся и растворятся снова.
Ее веранда всегда была заставлена цветами. Разные люди присылали или привозили цветы в огромном количестве: композиторы, и поэты, и артисты – все обитатели здешних мест несли их к ее крыльцу. И всегда было очень много роз. А сама Ахмадулина очень стеснялась такой славы и узнаваемости...

Алексей Гориболь: Мы с ней ходили в Зеленогорск, в какие-то кафешки заходили, и в гостиницу «Репинская» заходили в бар – везде люди узнавали ее, а она пряталась и смущалась. У нее есть стихотворение «Поступок розы». Получилось так, что в свое последнее пребывание она оставила нам две огромные розы. И они у нас очень долго стояли, а потом, когда уже и мы с Леонидом Десятниковым уезжали, я эти две розы, зайдя в воду, бросил в залив. Розы были крупные, и волна их тихо, спокойно несла дальше в залив. Мы собрали вещи, и я выбежал еще раз посмотреть, где эти розы, а они так и плавали вдалеке, их было видно с берега. И вот я смотрю стихотворение «Поступок розы»:

Не с повелением, а с монаршей просьбой,
Не спорить же – к заливу я иду.
О, не шути с моей великой розой,
Прощу, и розу отдаю ему.
Пльви, о, роза, бездуку украшая,
Ты выбрала. Пльви светло, легко.
От Терийок водою до Кронштадта,
Хоть эта смерть не так уж далеко...

Продолжение следует...

РЕПИНО. КОМАРОВО. БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

Часть вторая.

АЛЕКСЕЙ ГОРИБОЛЬ

АЛЛА ДРУЖИНИНА

*Так напоследок я скажу...
Работу малую висок
Еще вершит, но пали руки
И стайкою, наискосок
Уходят запахи и звуки.
А напоследок я скажу:
«Прощай, любить не обязуйся!»
С ума схожу или восхожу
К высокой степени безумства.
А напоследок я скажу...*

Мы продолжаем разговор с пианистом Алексеем Гориболом о его встречах с Беллой Ахмадулиной и о ее пребывании на Карельском перешейке, о том, сколько для нее значила природа и воздух на берегу Финского залива.

Алексей Гориболь: Когда мы говорим о Белле Ахатовне, мы не можем не говорить о Борисе Мессерере, который посвятил ей свою жизнь. Тридцать лет они были вместе и сейчас продолжают быть вместе. И служение Бориса Мессерера Белле – это отдельная тема. Удивительный человек – Борис Мессерер, из театральной семьи, его отец – танцовщик Большого театра, основатель целой танцевальной школы, мама – актриса немого кино, двоюродная сестра – Майя Плисецкая. Сам – выдающийся художник. Сразу на ум приходит его оформление «Кармен-сюиты».

Борис Мессерер – человек невероятно активный, несмотря на возраст. Ему недавно исполнилось семьдесят лет. Акварель, живопись, графика... 20 акварельных портретов жены – это восхитительные работы. Огромное количество постановок, поездок... Академик Академии художеств, что требует от него определенных присутствий на разных мероприятиях. И, вместе с тем, когда Беллы Ахатовны не стало, он приводит в порядок ее архив. Все пронумеровано: годы, стихи... Сколько времени и терпения этому посвящено!..

Алексей Гориболь: Конечно, у них была колоссальная любовь. И вот что я еще хочу сказать о Борисе Мессерере – он сейчас закончил книгу воспоминаний об Ахмадулиной, вплел в них голос самой Беллы. В последние годы он много записывал ее на магнитофон и потом расшифровывал. И когда мы прочитали эти воспоминания, даже придирчивый к редактуре Ляня Десятников сказал – «Это поразительно! Это голос Беллы!». И в этой книге Мессерер проявил себя как незаурядный литератор.

Всё этот голос, этот голос странный. Сама не знаю: праведен ли трюк — так управлять трудолюбивой раной (она не любит втайне этот труд), и видеть бледность девочки румяной, и брать из рук цветы и трепет рук, и разбирать их в старомодной ванной, — на этот раз ты сетовал, мой друг, что, завладев всей данной нам водою, плыла сирень купальщицей младою. Взойти на сцену – выйти из тетради. Но я сирень без памяти люблю, тем более – в Санкт-белонощном граде и Невского проспекта на углу с той улицей, чье угаю название: в которой я гостинице жила — зачем вам знать? Я говорю не с вами, а с тем, кого я на углу ждала. Ждать на углу? Возможно ли? О, доле

ждала бы я, но он приходит в срок — иначе б линий, важных для ладони, истерся смысл и срок давно истек. Не люблю он туманных посвящений, и я уступку сделаю молве, чтоб следопыту не ходить с ищейкой вдоль этих строк, что приведут к Неве. Речь – о любви. Какое же герою мне имя дать? Вот наименьший риск: чем нарекать, я попросту не скрою (не от него ж скрывать), что он – Борис. О, поводырь моей повадки робкой! Как больно, что раздвоены мосты. В ночи – пусть самой белой и короткой — вот я, и вот Невы, а где же ты? Глаз, захворав, дичится и боится заплакать. Мост – раз – в – единен. Прощай.

На острове Васильевском больница сто лет стоит. Ее сосед – причал. Скажу заране: в байковом наряде я приживусь к больничному двору и никуда не выйду из тетради, которую тебе, мой друг, дарю. Взойти на сцену? Что это за вздор? В окно смотрю я на больничный двор.

Алексей Гориболь: Когда Белле Ахатовне было 69 лет, я предложил: «У вас на следующий год юбилей – что, если сделать творческий вечер Беллы в Александринском театре?» Борис Мессерер, сетуя о своем и Беллином преклонном возрасте, сказал, что так далеко не загадывает, и что лучше собраться тихо, по-домашнему. Прошло полгода, я снова поднял этот вопрос, но опять услышал отговорки. Однако поговорил с руководителем театра Валерием Фокиным, на что он мне ответил: «Для Беллы – в любой удобный ей день! ... Но только ты мне за месяц хотя бы скажи!»

И буквально на следующий день после разговора с Фокиным звонит Мессерер и говорит: «Что ты там говорил про юбилей в театре? Белла готовится...» И мы начинаем организацию юбилейного вечера, который и состоялся 15 апреля 2007 года. И Белла и Борис страшно волновались – кто придет, кто нас помнит, это же огромный театр, наберется ли столько людей? Сейчас, говорили, другое время, другие ценности... Но произошло столпотворение.

Чуть ли не с утра подступы к Александринскому театру были заполнены людьми, желающими попасть на вечер. Билеты спрашивали с одной стороны от Гостиного двора, а с другой – от Аничкова моста. В самом театре даже ложи были переполнены, люди стояли. И, когда вышла Белла, надо было видеть, что было с залом!.. Три часа она читала наизусть и ранние и поздние стихи, загнулась два раза, и зал ей подсказывал...

Алексей Гориболь: Конечно, скромность – вещь правильная, только так можно сохранить свой талант, скромно и иронично относиться к своему творчеству, но я тогда торжествовал, обливаясь слезами радости.

Чужое ремесло мной помывает. На грех наводит, за собой маня. моя работа мне не помогает и мстительно сторонится меня.

Я ей веками соблюдаю верность, пишу стихи у краешка стола, и все-таки меня снедает ревность, когда творят иные мастера.

Поет высоким голосом кинто, и у меня в тбилисском том духане, в картинной галерее и в кино завистливо заходит дыханье.

Когда возводит красную трубу печник на необжитом новом доме,

я тоже вытираю об траву замаранные глиною ладони.

О, сделать так, как сделал оператор – послушно перенять его пример и, пристально приткнув к аппаратам, прищуриться на выбранный предмет.

О, эта жадность деревце сажать, из лейки лить на грядках неполитых

и линии натурщиц отражать, размазывая краски на палитрах!

Так власть чужой работы надо мной меня жестоко требует к ответу. Но не прошу я участи иной. Благодарю скупую радость эту.

Алексей Гориболь: У меня нет ощущения, что она умерла. Даже когда мы с ее старшей дочерью приходим на кладбище, я не осознаю ее мертвой. Хотя сам присутствовал на похоронах, говорил прощальные слова, гроб нес... Все равно, нет ощущения, что Белла Ахатовна ушла. Она все еще здесь, близко. Помимо того, что она – представитель «эстрадной» поэзии, она – великий поэт, великий литератор! Это уровень Лермонтова, если можно ее с кем-то сравнить. Она одна, она уникальна! И я уверен, ее влияние будет только распространяться!..

Белла Ахмадулина – явление. И, как любое явление, она не имеет конца, только развитие. Когда вы захотите поехать в Репино или Комарово – захватите с собой томик ее стихов. Здесь, во время прогулок по берегу залива, вы сможете почувствовать себя «на одной волне» с этим удивительным поэтом...

Продолжение следует...